

СЕРХИО СЕРУЛЬНИКОВ¹
SERGIO SERULNIKOV

ВОССТАНИЯ В АНДАХ И КОЛОНИАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ. ВОССТАНИЕ В ЧАЙЯНТЕ (1777-1780)

ANDEAN INSURGENCY AND SPANISH COLONIAL JUSTICE. THE REBELLION OF CHAYANTA (1777-1780)

Аннотация: Данная статья рассматривает идейные основы индейского восстания под руководством Томаса Катари в верхнеперуанской провинции Чайянта в период 1777-1780 гг. Проанализированы политические причины коллективных действий крестьян с акцентом на формально-юридической стороне конфликта внутри имперской колониальной бюрократии. Это позволит показать, как ограниченные цели индейцев, «реформистские» задачи определялись политическими основами испанского колониального строя. Восстание в Покоате в августе 1780 г. как высшая точка движения крестьян завершило процесс, прошедший путь от традиционного юридического ритуала колониального режима к политическому потрясению в провинции.

Ключевые слова: индейские восстания, история Андского региона в XVIII веке, испанская юстиция, европейский колониализм, Томас Катари, провинция Чайянта.

Abstract: The article traces the ideological foundations of the indigenous rebellion led by Tomás Katari in the Upper Peruvian province Chayanta between 1777 y 1780. It begins by exploring the political framework

---

¹ Профессор Университета Сан-Андрес, Буэнос-Айрес, Аргентина. Universidad de San Andrés, Buenos Aires, Argentina

of peasant collective actions by focusing on the jurisdictional disputes within the imperial bureaucracy. Then, it shows how the Indians' consistent pursuit of limited, "reformist" objectives undermined the political basis of Spanish authority. The aftermath of this process, the upheaval that took place in the town of Pocoata at the end of August 1780, is addressed in the third section. It traces the final transfiguration of traditional rituals of colonial rule into acts of political subversion.

Keywords: Indigenous rebellions, XVIII Century Andean history, Spanish justice, European colonialism, Tomas Katari, Chayanta province

В начале июня 1780 г. многочисленная делегация общинников из Мача провинции Чайянта в Верхнем Перу отправились в город Ла-Плата (Чукисака) в королевскую аудиенцию с жалобой на касиков и коррехидора провинции Хоакина Алоса. Индейские общины часто обращались в суды для противоборства со злоупотреблениями местных властей. Однако на этот раз дело было чрезвычайным. Уже три года эти общины вели судебные тяжбы, общинники со своими ходатайствами доходили до вице-короля Рио-де-Ла-Платы в Буэнос-Айресе. Местные власти же всеми силами стремились сдержать крестьянский протест. Лидер общинников неграмотный индеец аймара Томас Катари не раз был арестован. Только вооружённое сопротивление общинников позволило им добиться его освобождения во время его перевозки в суд из тюрьмы Потоси в Чайянту. Когда священник предупредил Катари, что в суде его арестуют, тот ответил, «что пусть его схватят, но он расскажет властям всю правду, что все суды в Чаркас закрывают перед ними дверь»². 10 июля 1780 г. его отправили под стражей из аудиенции в столицу вице-королевства.

В свое время Натали Семон Дави рассуждала о трудностях, которые представляет очевидная «иррациональность» народных восстаний во Франции в XVI в.³ Движение под руководством Томаса Катари, переросшее из обычного, рутинного протеста в самое массовое и длительное крестьянское восстание со времён конкисты представляет собой не менее символичное событие. В Чайянте в отличие от откровенно антиколониальных движений Тупак Амару в Куско и Тупак Катари

---

² Archivo General de la Nación de Buenos Aires (AGN), IX, Interior, Leg. 10, Exp. 1, ff. 130-137.

³ Natalie Zemon Davis, "The Rites of Violence" // Society and Culture in Early Modern France. Stanford: Stanford University Press, 1975, p. 154.

в Ла-Пасе события большей частью происходили в рамках закона, в ходе обычных переговоров и конфликтов между общинниками и государством. Там присутствовали легальные, законные демарши, но с применением насилия и восстаниями, что ставит под вопрос наше понимание функции колониальной юстиции в процессе воспроизводства колониального государства.

Цель данной статьи – разобраться в идеологических основах практики деятельности крестьянских сообществ. Это исследование должно дать ответ на вопрос о социальном значении таких актов как «добровольная сдача» Томаса Катари властям во имя «правды и справедливости», ставшего позже отправной точкой массового восстания. Хотя исследование сконцентрировано на Чайянте, размах этих событий позволяет по-новому взглянуть на испанскую гегемонию, формы колониальной идентичности и представительства в Андах.

К концу XVI в. испанская корона построила централизованную модель эксплуатации индейских общин. При помощи широкой сети чиновников монархия монополизировала сбор подати (трибуто) и режим миты – поставки рабочей силы индейцев на рудники. Разделение колониального общества на Республику индейцев и Республику испанцев создавало правовую систему колонии. Общинные земли были защищены законом от захвата, а этнические структуры ее власти (касики или кураки) остались нетронутыми. В всех городах появился особый чиновник – Защитник индейцев, который должен был представлять индейцев в судах, чтобы обеспечить их доступ к испанской юстиции. Все это способствовало созданию в ментальности индейцев идеи их подчинения новому порядку. Как утверждал историк Стив Стерн: «По мере того, как зависимость от юридической системы превращалась в стратегию защиты угнетённых классов и социальных групп, сокращались возможности для организации попыток свержения самих эксплуататорских структур. Когда это происходит, судебная система способствует укреплению гегемонии господствующего класса»⁴.

---

⁴ Steve Stern, *Peru's Indian Peoples and the Challenge of Spanish Conquest. Huamanga to 1640*. Madison: University of Wisconsin Press, 1982, p. 137. См. также William Taylor, "Between Global Process and Local Knowledge. An Inquiry into Early Latin American Social History, 1500-1900" // *Reliving the Past. The Worlds of Social*

Конечно, сельские общины прибегали и к насилию для защиты своих интересов в конфликте с местными элитами. Но эти восстания не ставили под сомнение саму колониальную систему, ибо они всегда были направлены против конкретных чиновников, новых налогов или наступления на права общин. Так же и испанские власти не стремились сразу же подавлять протест, а искали соглашений, чтобы восстановить обычную жизнь⁵. Хотя их результаты были разными, в целом они укрепляли колониальную юстицию. Ф. Катц указывал, что «корона и церковь, усмиряя аппетиты помещиков и энкомендеро, завоевали легитимность в глазах индейцев»⁶. И лишь когда юридические способы борьбы были исчерпаны, протест принимал форму насилия. Юрген Гольте предложил периодизацию протестов против товарного репартименты (насильственного распределения товаров среди общинников по завышенным ценам): на первом этапе общины безуспешно пытались бороться с касиками и коррехидорами посредством обращений к вице-королю и в аудиенцию, на втором этапе они прибегали к насилию, что вылилось в восстания 1780-1781 гг.⁷ И тогда местные и частные цели уступили место этнической, расовой войне с белыми, испанцами и их властью как таковой⁸. Крупные крестьянские восстания, среди которых восстание в Чайянте занимает важное место, стали выражением социальной идентичности, сконструированной вне колони-

---

History/ Olivier Zunz (ed.). Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1985, pp. 151-7.

⁵ William Taylor, *Drinking, Homicide, and Rebellion in Colonial Mexican Villages*. Stanford: Stanford University Press, 1979. pp. 122-124; Charles Walker, *Smoldering Ashes. Cuzco and the Creation of Republican Peru, 1780-1840*. Durham: Duke University Press, 1999, pp. 81-82; Woodrow Borah, *Justice by Insurance. The General Indian Court of Colonial Mexico and the Legal Aides of the Half-Real*. Berkeley: University of California Press, 1983.

⁶ Friedrich Katz, "Rural Uprisings in Preconquest and Colonial Mexico".// Katz (ed.), *Riot, Rebellion, and Revolution. Rural Social Conflict in Mexico*. Princeton: Princeton University Press, 1988, p. 79.

⁷ Jürgen Golte, *Repartos y rebeliones. Túpac Amaru y las contradicciones de la economía colonial*. Lima: IEP, 1980. Alberto Flores Galindo, "La revolución tupamarista y los pueblos andinos (una crítica y un proyecto)".// *Allpanchis*, (17/18) 1981, pp. 153-165.

⁸ John Coatsworth, "Patterns of Rural Rebellion in Latin America: Mexico in Comparative Perspective".// Friedrich Katz (ed.), *Riot, Rebellion, and Revolution. Rural Social Conflict in Mexico*. Princeton: Princeton University Press, 1988, pp. 29-30.

альных ценностей, их природа противостояла обычной практике взаимодействия общин и господствующих групп.

Эта работа предлагает альтернативную версию понимания политической рациональности индейских восстаний. Мы утверждаем, что восстания не питались идейными мотивами, выходящими за рамки колониального дискурса, а выражали процесс принятия и согласия с принципами, освящавшими господство европейцев над индейскими общинами. В течение долгого времени, пока Томас Катари возглавлял движение до его смерти в 1781 г., общины Чайянты связывали свои надежды не с индейскими утопиями, как в разгар индейского восстания, а с правовой системой Испании⁹. Это поведение строилось на практике крестьянства и сетях этнической солидарности. Мессианские и милленаристские ожидания индейцев были не причиной, а следствием восстания.

Несомненно, анализ всего процесса и правовых шагов властей объясняет и дискурс властей, и согласие, которым скреплялось это общество¹⁰. Это восстание показало, что испанская юстиция в определённых обстоятельствах могла становиться не только сопротивлением, но и контр-гегемонией. К концу XVIII в. в условиях административных реформ и всеобщего социального протеста правовая система стала главной ареной борьбы против самой природы испанского господства в Андском регионе. Попытаемся показать, что те же самые процессы, выявившие основные противоречия легитимности и навязавшие силой корпоративные привилегии, создали из общин Чайянты политических субъектов, которые стали оспаривать право управления у местных властных групп.

---

⁹ Jorge Hidalgo Lehuédé, "Amarus y cataris: aspectos mesiánicos de la rebelión indígena de 1781 en Cusco, Chayanta, La Paz y Arica" // Revista Chungara, 10, 1983, pp. 117-138; Jan Szeminski, La utopía tupamarista. Lima: Pontificia Universidad Católica, 1984; "Why Kill the Spaniards? New Perspectives on Andean Insurrectionary Ideology in the 18th Century" // Steve Stern (ed.), Resistance, Rebellion, and Consciousness in the Andean Peasant World, 18th to 20th Centuries. Madison: University of Wisconsin Press, 1987, pp. 127-157.

¹⁰ Deborah Poole, "Antropología e historia andinas en los EE.UU.: Buscando un reencuentro" // Revista Andina, (10) 1992, p. 218.

Индийский протест и внутриэлитные конфликты

Движение протеста в Чайянте развивалось в течение трёх с половиной лет, пройдя три этапа: от легальных методов к беспрецедентному по своему масштабу массовому восстанию. Вначале, с середины 1777 г. по август 1780 г. конфликт ограничивался десятью айлью в Маче, то есть 700 семей или 3500 человек¹¹. Мобилизация общинников с целью смещения индейских властей и назначения на их место Томаса Катари как касика привела к всеобщей массовой конфронтации в регионе. В эти годы произошли вооружённые столкновения общинников с индейскими и испанскими местными властями, которые завершились массовым восстанием в Покоате 26 августа 1780 г. В результате коррехидор был изгнан из района, а лидер аймара освобождён из тюрьмы аудиенсии.

Вторая фаза конфликта началась с возвращением Катари в провинцию в качестве касика Мача в начале сентября. Общины, таким образом, установили полный контроль над сельской местностью, а насилие распространилось на более высокие районы пуны и долин Москари, Сан-Педро-де-Буэнос-Виста, Чайянта и Сакака. Индейцы из дальних деревень стали приходить в Мачу, чтобы посоветоваться, как им противостоять своим властям. К концу 1780 г., несмотря на попытки Катари восстановить отношения с испанскими чиновниками, конфликт прошёл точку невозврата. После ареста и казни Катари в январе 1781 г., совпавшей с расширением восстания Тупак Амару в Куско и восстанием в соседнем Оуруро, движение вступило в финальную стадию. Под руководством братьев Томаса, Дамасо и Николаса Катари тысячи крестьян напали на поселки провинции, а в феврале 1781 г. вместе с индейцами других провинций предприняли осаду города Ла-Платы (Чукисаки). Хотя восставшие были разбиты, самые ужасные акты насилия против клира и белых были отмечены в Чайянте. Восстание завершилось в апреле-мае 1781 г., когда вожди крестьян были захвачены и казнены.

Политическая борьба в период с 1777 по 1781 гг. не затрагивала отношений между колониальным государством и индейскими народами Анд. Борьба против эксплуатации и принципов самоуправления общин накладывалась на конфликты, спровоцированные реформами

---

¹¹ AGN, XIII, 18-10-1, Leg. 84, Libro 1.

Бурбонов. Корона провела комплекс реформ с целью увеличения доходов от колоний и усиления контроля над государственным аппаратом, чтобы положить предел коррупции королевских судей посредством их отсечения от местных олигархических кланов, создания наёмной бюрократии и эффективной администрации¹².

Историография единодушно называет эти реформы причиной социальных волнений из-за роста налогового давления на общины и другие сектора колониального общества¹³. Однако события в Чайянте показывают и другой аспект бурбоновских реформ: изменение традиционной патримониальной системы в рамках имперского абсолютизма.

Отметим двух основных акторов во время восстания: коррехидора и аудиенсию Чаркас, то есть два института, которые были в центре процесса, названного Джоном Линчем режимом бюрократического согласия или «колониального консенсуса», обеспечивавшего «имперский контроль»¹⁴. В Андском регионе основной причиной дебатов и самой реформы были отношения между этими институтами в связи с товарным репартиментом, которым занимались коррехидоры. Репартимент после 1759 г. стало основным механизмом эксплуатации индейцев, создавшим обширную сеть финансовых и торговых союзов между местными властями и крупными купцами Лимы. Власти верили, что насильственный торговый обмен приведёт к меркантилизации крестьянского хозяйства, однако результат этой системы был очень противоречивым. С точки зрения королевских чиновников она снижала возможности королевской казны получать подать и наделяла про-

---

¹² Gabriel Paquette, *Enlightenment, Governance, and Reform in Spain and its Empire, 1759-1808*. New York: Palgrave-Macmillan, 2008; Alejandra Irigoin and Regina Grafe, "Bargaining for Absolutism: A Spanish Path to Nation-State and Empire Building"// *Hispanic American Historical Review*, 88, 2008, pp. 172-209; Sergio Serulnikov, "Customs and Rules: Social Conflicts in the Age of Bourbon Reformism (Northern Potosi in the 1770s)"// *Colonial Latin American Review*, vol. 8 n. 2, 1999, pp. 245-74.

¹³ Scarlett O'Phelan Godoy, *Un siglo de rebeliones anticoloniales. Perú y Bolivia 1700-1778*. Cusco: Centro Bartolomé de las Casas, 1988; John Fisher, Allan Kuethe y Anthony McFarlane (eds.), *Reform and Insurrection in Bourbon New Granada and Peru*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1990.

¹⁴ John Lynch, "The Institutional Framework of Colonial Spanish America", *Journal of Latin American Studies*, 24, Quincentenary Supplement, 1992, pp. 69-81.

винциальных судей дополнительными политическими и экономическими полномочиями. Союз крупных торговцев Лимы и коррехидоров привёл к тому, что вице-королевский двор перестал быть инструментом канализации индейских требований¹⁵.

Чтобы разрушить сговор лимской торговой элиты и сельских судей, испанская корона решила в 1764 г. ограничить юрисдикцию вице-короля Перу, разрешив аудиенсии Чаркас принимать жалобы общин на коррехидоров за злоупотребления в репартименте¹⁶, создавая при этом новые системы коррупции на основе торговой монополии. Хотя эти союзы были неформальными, нет сомнений в связи между оидорами и коррехидорами, только усилившейся после увеличения полномочий первых¹⁷.

Передача Верхнего Перу в новое вице-королевство Рио-де-Ла-Плата в 1776 г. дестабилизировало тонкое равновесие между вице-королевскими, региональными и провинциальными властями. Вице-королевский двор в Буэнос-Айресе состоял в основном из чиновников, большей частью выходцев из Испании, разделявших новые идеи Просвещения и не стремившихся охранять интересы местной олигархии¹⁸. В отличие от лимских бюрократов они были связаны с местными торговыми группами, которые не принимали активного участия в репартименте. Это создало полюс власти с иным взглядом на местные дела. Неудивительно, что после начала восстаний в 1780 г. вице-королевский двор выступил за отмену репартименте и ликвидацию коррехидоров с их заменой на интендантства по французскому образ-

---

¹⁵ Golte, *Repartos y rebeliones*; Alfredo Moreno Cebrián, *El Corregidor de Indios y la economía peruana del siglo XVIII (Los repartos forzosos de mercancías)*. Madrid: Instituto González Fernández de Oviedo, 1977; Brooke Larson, *Colonialism and Agrarian Transformation in Bolivia. Cochabamba, 1550-1900*. Durham: Duke University Press, 1997, pp.126-132; Stanley Stein, "Bureaucracy and Business in the Spanish Empire, 1759-1804: Failure of a Bourbon Reform in Mexico and Peru"/*Hispanic American Historical Review*, 61, 1, 1981, pp. 2-28.

¹⁶ Golte, *Repartos y rebeliones*, pp. 135-138.

¹⁷ Boleslao Lewin, *La rebelión de Túpac Amaru y los orígenes de la emancipación americana*. Buenos Aires: Hachette, 1957, p. 241.

¹⁸ Mark Burkholder and D.S. Chandler, *From Impotence to Authority. The Spanish Crown and the American Audiencias, 1697-1808*. Columbia: University of Missouri Press, 1977; Susan Socolow, *The Bureaucrats of Buenos Aires, 1769-1810: Amor al Real Servicio*. Durham: Duke University Press, 1987.

цу.

Восставшие в Маче указывали, что их касики были назначены коррехидорами без учёта их знатности и без согласия общин. Более того, в нарушение законов главный касик Блас Дория Берналь был метисом. Индейцы разоблачали перед властями воровство налогов посредством подделки переписи общинников. Так, касики присваивали четвертую часть подати, которую платили в Маче. Коррехидор был заодно с касиками, которые помогали ему в распределении репартимьенто.

В течение 1777-1778 гг. в ответ на жалобы аудиенсия и казна распорядились сместить касиков, а на их место назначили Томаса Катари. Однако коррехидор не выполнил распоряжение и наказал жалобщиков и всех общинников, арестовал их лидеров. Крестьяне вновь направили жалобы властям. Именно тогда Катари с другим лидером решили пешком дойти до Буэнос-Айреса и лично вручить прошение вице-королю. Теперь они жаловались не только на коррехидора, но и на аудиенсию.

Когда в начале 1779 г. индейцы Мачи впервые в истории прибыли в Буэнос-Айрес, их жалоба затронула чувствительную струну вице-королевских властей, считавших репартимьенто не только источником коррупции, но и возможной причиной восстаний¹⁹. Вице-король Хуан Хосе де Вертис приказал аудиенсии назначить судью для расследования действий коррехидора. При невыполнении предыдущих решений судья был обязан назначить Катари и других индейских касиков сборщиками подати. Также запрещалось применять какие-либо репрессивные меры к жалобщнику (Томасу Катари)²⁰.

Надежды индейцев, пробуждённые решением вице-короля, рассеялись с возвращением домой. Не было никакого средства заставить власти исполнять приказ, кроме прямого давления, чтобы силой заставить уважать волю верховных властей. С другой стороны, решение вице-короля заставило аудиенсию и коррехидора сплотить свои ряды и не допустить вмешательства новых властей в дела их района.

---

¹⁹ Golte, *Reparto y rebeliones*, p. 139; O'Phelan Godoy, *Un siglo de rebeliones anticoloniales*, pp. 149-73; Sinclair Thomson, *We Alone Will Rule. Native Andean Politics in the Age of Insurgency*. Madison: The University of Wisconsin Press, 2002, pp. 106-139.

²⁰ Cit. Lewin, *La rebelión de Túpac Amaru*, p. 354.

Через несколько дней после возвращения Катари в мае 1779 г. в провинции произошло столкновение индейцев с местными властями. Катари был арестован и обвинён в подделке подписи вице-короля с целью не платить подати²¹. На самом же деле индейцы платили подати Катари и назначенным им касикам в соответствии с полномочиями, которые взял на себя Катари согласно письму вице-короля. Вскоре вооружённые индейцы освободили Катари. Положение коррехидора было невозможно сохранить несмотря на сопротивление властей. Во избежание новых беспорядков старый касик уговорил коррехидора назначить своего родственника на это пост. Но затем в июне коррехидор вновь арестовал Катари.

На пути следования Катари в тюрьму Аульягас индейцы напали на стражу и освободили своего лидера. Несколько недель спустя общинники Мачи отправились в Потоси, чтобы оплатить подать в казну и таким образом показать вице-королю правильную сумму подати. По просьбе коррехидора интендант Потоси Хорхе Эскобедо арестовал Катари, как только тот появился в городе. Несколько месяцев Катари провёл в тюрьме Потоси, его пристрасно допрашивали²². В конце апреля 1780 г. индейского лидера отправили в Чайянту на суд коррехидора. Его сопровождала усиленная стража, везли окольными путями, чтобы избежать нападения индейцев. И, тем не менее, у Покоаты индейцы напали на стражу и освободили Катари.

В июне 1780 г. суд Чаркас постановил арестовать Катари, когда тот снова появился в Ла-Плате, где хотел в суде отстоять свою невиновность. Это окончательно убедило его в сговоре всех властей в Чаркас и стало началом массовой мобилизации индейцев, которая на три месяца полностью дезорганизовала систему местной власти. Касики метисы были вынуждены покинуть свои места, аудиенсия назначила Катари касиком, а коррехидор бежал, разбитый отрядом индейцев в сражении, где погибли десятки индейцев и тридцать испанцев. Между сентябрём и декабрём 1780 г. все назначенные новые судьи провинции не могли приступить к осуществлению своих полномочий из-за сопротивления общин, которые обвиняли их в связях с бывшим коррехидором.

Восстание распространилось по всей Чайянте и соседним провин-

---

²¹ AGN, IX, Interior, Leg. 10, Exp. 1.

²² Анализ допросов см. Sergio Serulnikov, “Tomás Catari y la producción de justicia. Análisis de un interrogatorio al líder de la rebelión indígena de Chayanta”//Documentos CEDES 10, 1988.

циям, что заставило вице-короля принять решительные меры: он запретил аудиенсии вмешиваться во все дела, связанные с восстанием индейцев, что ясно демонстрировало его взгляд на эту тему. В октябре 1780 г. вице-король назначил губернатора Мохос Игнасио Флореса военным командующим Чаркас, уполномочив его решить проблему восстания. Более того, вице-король Вертис запретил аудиенсии выносить смертельные приговоры до прояснения ситуации²³. Он писал министру в Мадрид: «В таком сложном вопросе как восстание в Чайянте необходимо обеспечить невмешательство этого суда (аудиенсии)»²⁴. И, тем не менее, Катари в конце 1780 г. был захвачен по секретному приказу аудиенсии. По пути в Ла-Плату его снова попытались отбить крестьяне, но неудачно, и Катари был казнён.

Официальное описание восстания.

Местные власти сочинили свою версию событий. Её центральным пунктом была «борьба с восстанием»²⁵, индейское движение представляло угрозой колониальному режиму, а корни этой угрозы якобы указывали на решение вице-короля по прошению Катари в Буэнос-Айресе в январе 1779 г.²⁶. События в Чайянте были показаны как результат вмешательства нового вице-королевского двора в конфликты в андском регионе.

Коррехидор провинции и члены аудиенсии оставили описание индейского движения после возвращения Катари из Буэнос-Айреса. Во-первых, для них протесты индейцев являлись незаконными. Коррехидор обвинял Катари в том, что он подстрекал общинников к неповиновению не только властям, но и касикам²⁷. Крестьяне представляли как нарушители закона и распоряжений королевских властей²⁸.

Катари обвинялся в неправильной интерпретации вице-королевского указа. При этом мы знаем, что после Буэнос-Айреса в

---

²³ AGN, IX, Interior, Leg. 11, Exp. 8., ff. 68-71.

²⁴ Lewin, *La rebelión de Tupac Amaru*, pp. 843-844.

²⁵ Ranajit Guha, "The Prose of Counter-Insurgency". // Guha and Gayatri Spivak (eds.), *Select Subaltern Studies* (Oxford, 1988), pp. 45-86.

²⁶ AGN, IX, Interior, Leg. 8, Exp. 8, ff. 85-93.

²⁷ AGN, IX, Interior, Leg. 10, Exp. 1, ff. 38-40.

²⁸ AGN, IX, Interior, Leg. 8, Exp. 8, f. 89.

марте 1779 г. Катари сразу же отправился в аудиенсию представить бумаги вице-короля. Однако аудиенсия отказалась назначать судью, как того требовал вице-король, под предлогом, что они не получили приказа в установленной форме. Тогда Катари отправился в Потоси, чтобы снять копии с бумаг вице-короля²⁹. Затем Катари написал хилакатам (старостам младших общин), приказав им собирать подать, как того потребовал от него вице-король³⁰. После этого Катари снова поехал в Ла-Плату, чтобы пожаловаться на насилие со стороны старого касика, метиса Бласа Берналя³¹. Ещё в июле 1780 г. сорок индейцев напали на одного из хилакат посёлка Мача, воспротивившись передаче коррехидору денег за товары репартимьенто³².

Манипуляция фактами и свидетельствами была хорошо известной практикой колониальной юстиции. Хорст Питчерманн справедливо указывал, что колониальное общество состояло из различных социальных групп, чьи моральные ценности не всегда совпадали с официально декларируемыми, а приверженность закону как испанских элит, так и индейцев была скорее стратегией, чем правилом³³. Крестьяне заставили судей признать, что они представляют колониальные власти с ничем не ограниченной властью над индейскими народами. Неподчинение и недовольство местными властями означало вне зависимости от закона подрывное действие против колониального режима.

Второй образ крестьянского движения, представленный в отчётах, относится к целям восстания. В полном несоответствии с действительностью власти утверждали, что индейцы хотели освободиться от подати и миты. Коррехидор сообщал, что Катари якобы говорил индейцам, что вице-король велел снизить подать вдвое³⁴. С началом же восстания общинники уверовали, что их освободили от всех повинно-

---

²⁹ AGN, IX, Interior, Leg. 5, Exp. 2.

³⁰ Lewin, La rebelión de Túpac Amaru, p. 357.

³¹ Lewin, La rebelión de Tupac Amaru, pp. 806-808.

³² AGN, IX, Interior, Leg. 10, Exp. 1, f. 42.

³³ Питчерманн утверждал, что реформы Бурбонов представляли собой первую систематическую, хотя и неудавшуюся попытку утвердить понимание закона как универсальной нормы для всех. — “Estado colonial y mentalidad social: el ejercicio del poder frente a los distintos sistemas de valores. Siglo XVIII” // Antonio Annino (ed.), *América latina: dallo stato coloniale allo stato nazione*. Milan: Franco Angeli, 1987. pp. 427-447.

³⁴ Informe de Alós a la audiencia, 20 de junio de 1780. AGN, IX, Interior, Leg. 10, Exp. 1.

стей, хотя даже во время восстания они платили подать. Эти факты не помешали местным чиновникам так представить цели восставших.

То, что чиновники настаивали именно на этом аспекте восстания, объясняется ролью, которую занимали мита и подать-трибуто в колониальном коллективном воображаемом. Помимо чисто экономического значения, эти две повинности символизировали статус индейцев как вассалов испанской короны. Указывая на эти обстоятельства, региональные элиты представляли восстание как направленное на разрыв этой связи и подчинения индейцев королю, что полностью не соответствовало устремлениям индейцев³⁵.

И третье, крестьянское движение характеризовалось как антиколониальный заговор с целью уничтожить испанское население колонии. Как утверждал коррехидор Алос, цель индейцев состояла в том, чтобы «жить свободными, как то им дала природа», без короля и церкви³⁶. Индейцы представлялись дикими, недостойными цивилизаторской миссии европейцев, как постоянная угроза общественному порядку, требующая от властей постоянных усилий по колонизации. К тому же они вызывали в памяти страх всеобщего восстания угнетённых народов. Аудиенсия особо подчёркивала, что к индейцам Мачи присоединились общинники других провинций, что подтверждало их желание сбросить испанское иго³⁷. Цель крестьян, подводил итог коррехидор, состояла в том, чтобы посеять зерна восстания в соседних провинциях и выйти из повиновения короне³⁸. Характеристика коллективных действий как антиколониальный заговор подчёркивала несовместимость правовых механизмов и индейских обычаев.

Отчёты чиновников вице-королевского двора представляют эту историю по-другому. В документах, полученных ещё до поездки Катари в Буэнос-Айрес, когда тот ещё сидел в тюрьме, защитник индейцев Хуан Грегорио Самудио указывал, что его назначение сборщиком трибуто не игнорировалось коррехидором Алос. Это предполагало, что индейцы имеют право напрямую апеллировать к властям из-за

---

³⁵ AGN, IX, Interior, Leg. 10, Exp. 1, f. 103

³⁶ AGN, IX, Interior, Leg. 10, Exp. 1, f. 103

³⁷ AGN, IX, Interior, Leg. 11, Exp. 8, f. 44.

³⁸ AGN, IX, Interior, Leg. 10, Exp. 1, f. 141.

нарушения законов и ущемления интересов казны. Самудио рекомендовал немедленно освободить Катари³⁹.

Прокурор вице-королевства Хорхе Пачеко предложил со своей стороны, чтобы аудиенсия получила чёткое письмо вице-короля с указаниями действий, чтобы был назначен судья для расследования деятельности коррехидора Алоса. Более того, Пачеко запросил, чтобы в случае, если коррехидор снова арестует Катари после его возвращения из Буэнос-Айреса, его сразу же отрешили от должности⁴⁰. Вице-король выразил сомнения в правдивости обвинений в адрес Катари, что тот сократил размер трибута⁴¹. Меры, предпринятые вице-королем, показывали, что он считал, что общины Мачи всего лишь требовали исполнения решения судов. К середине 1780 г., по мнению вице-короля, Катари должен был стать касиком, коррехидор отстранён от должности, а аудиенсия не надо было вмешиваться в конфликт. Прокурор Пачеко считал причиной восстания обман коррехидора⁴².

В этой версии не общины, а чиновники были виновны в обмане и манипуляциях законом и верховными распоряжениями. Безусловно, вице-королевские власти осознавали опасность крестьянского движения. И главная опасность, по их мнению, состояла в том, что индейцы могут решить добиться исполнения закона через насилие. Вице-король указывал, что если бы аудиенсия исполнила распоряжения высших властей, то не было бы никакого восстания⁴³.

Сравнение версий причин движения в Чайянте позволяет пересмотреть одну из дихотомий, лежащих в основе многочисленных исследований форм сопротивления индейцев в колониальный период, противопоставление коллективного насилия законности, правовых стратегий и вооружённых восстаний⁴⁴. Определение крестьянского движения как незаконное коллективное действие предполагает искусственное разделение действующих лиц истории. По мнению высшей власти вице-королевства, понятие законности, на которое ориентиро-

---

³⁹ AGN, IX, Interior, Leg. 11, Exp. 8, ff. 39-40.

⁴⁰ AGN, IX, Interior, Leg 11, Exp. 8, ff. 58-67.

⁴¹ De Angelis, Colección de obras y documentos, p. 669.

⁴² AGN, IX, Interior, Leg 11, Exp. 8, f. 62.

⁴³ En De Angelis, Colección de obras y documentos, p. 669 (énfasis mío).

⁴⁴ Джон Коатсворт определил крестьянские восстания и бунты как “нелегальные или экстралегальные коллективные действия”. – Coatsworth, “Patterns of Rural Rebellion”, p. 23).

вались индейцы Мачи, не предполагало ни манипуляций, ни двойной интерпретации королевских указов, ни абстрактных определений некой воли короля. Политический контекст коллективных действий, напротив, заключался в исполнении указов и следовании законным процессам. Разумеется, насилие народа отличается от государственного не только целями, но и тем, что последнее осуществляется от имени уже установленной власти. Так, в Англии и Франции в XVIII в. одной из черт народных восстаний была «повторяющаяся адаптация к способам действия властей, что часто приводило к тому, что толпа буквально брала закон в свои руки»⁴⁵. Из-за противостояния внутри колониальной администрации, возникшего в ходе реформ Бурбонов, благодаря различиям между реальной властью и формальными законоположениями, между государственным насилием и насилием масс, ситуация имела тенденцию скорее затушевывать, чем прояснять суть политики господства и сопротивления в андском мире. С одной стороны, привычные законные процедуры превращали *частное* использование силы из аномалии в структурный элемент управления и испанской юстиции. С другой стороны, юридические и идеологические представления колониальной бюрократии делали применение силы легальным официальным средством в зависимости от интерпретаций законов и распоряжений. Таким образом, юстиция становилась правом на политику насилия.

Борьба общин, региональных элит и вице-королевской бюрократии строилась не вокруг противопоставления насилия и права, а вокруг различных определений в отношении представителей колониальной правовой системы. Несмотря на свою массовость и радикальность, сам факт, что крестьянское движение было по сути мятежом, атакой на существующие институты власти, не был аргументом для понимания идеологических мотивов властей. Разногласия внутри колониальных властей позволяли индейским общинам прибегать к ряду практик, которые, хотя и не ставили под сомнение испанские институты, создава-

---

⁴⁵ Charles Tilly “How (And, to Some Extent, Why) to Study British Contention”// As Sociology Meets History. New York, 1981, p. 161; John Brewer and John Styles (ed.), An Ungovernable People. The English and their law in the seventeenth and eighteenth centuries. New Brunswick: Rutgers University Press, 1983, pp. 17-18.

ли особую политическую культуру колониализма в регионе Анд, подымая идею расового превосходства белых, на которой покоилось само европейское господство в колонии.

Повстанческая политика

Мотивы индейских прошений в колониальных судах на первый взгляд выглядят парадоксально. Жалоба на воровство подати чиновником сопровождалась обещанием увеличить сбор подати, так как предполагала ликвидировать воровство. При этом известно, что индейцы сами избегали участия в переписи, чтобы не попасть в списки податного населения. Прощения индейцев являются свидетельством того, что Джеймс Скотт назвал «официальной прописью отношений власти». Следуя концепции этого автора, мы придём к выводу, что эта «официальная пропись» выгодна подчинённым слоям⁴⁶. Восстание в Чайянте описывается в историографии как протест против трибуто и миты. Вначале цели восстания ограничивались требованием смены касиков-метисов и снижения объёма товарного репартимьенто, затем движение развивалось в направлении протеста против самого существования трибуто и миты⁴⁷. Этой атакой на структуру колониального режима объясняется переход от юридических апелляций к массовому насилию, а также массовая поддержка движения в соседних общинах региона. С этой точки зрения, цель крестьян – поначалу скрыть свои подлинные намерения.

Если реконструировать коллективные действия индейцев Мачи, то станет ясно, что массовое насилие и легальные действия тесно взаимосвязаны и не могут быть поняты отдельно друг от друга. Отделить одно от другого означает смешивать крестьянскую политику с логикой колониального представительства. В общинах существовал высокий уровень понимания законности, что было быстро развеяно на практике местными властями. В противовес версии местных властных групп, индейские инициативы не были направлены ни на уничтожение госу-

---

⁴⁶ James Scott, *Domination and the Arts of Resistance. Hidden Transcripts*. New Haven: Yale University Press, 1990. p. 87.

⁴⁷ O'Phelan Godoy, *Un siglo de rebeliones anticoloniales*, pp. 258-259; Leon Campbell, "Ideology and Factionalism during the Great Rebellion, 1780-1782" // Steve Stern (ed.), *Resistance, Rebellion, and Consciousness in the Andean Peasant World, 18th to 20th Centuries*. Madison: University of Wisconsin Press, 1987, p. 114.

дарственного принуждения, ни на манипуляцию воображаемыми королевскими указами. Индейские народы стремились к глубоким изменениям в рамках интеграции в колониальную систему, но эти изменения не предполагали вплоть до последнего этапа движения свержения существовавших структур. Радикализация восстания происходила по мере сопротивления местной власти, которая должна была постоянно подтверждать свои права перед лицом имперской администрации. Для индейского протеста было характерно сочетание, а не разделение легальных действий и насилия.

Этнографические исследования региона Чайянты показали, что структура айлью там сохранялась столетиями. Корни ее уходят в доиспанскую конфедерацию Чарки и Каракары, где общины охватывали от более мелких образований как младшие айлью до целых этнических групп. Эта структура состояла из сетей взаимопомощи, коллективного и ритуального труда. Как и у других народов Анд, айлью практиковали систему землевладения, которая обеспечивала им доступ к площадям на разных высотах. Однако в отличие от других регионов, где реформы вице-короля Франсиско де Толедо в 1570-е годы разрушили модель «вертикального архипелага» или «двух домов», в Чайянте этнические группы смогли сохранить свои земли в пуне на высокогорье и в тёплых долинах в рамках единой юрисдикции своей провинции. Сохранение традиционных принципов общественной организации было несовместимо с участием в колониальном рынке. Андские принципы самодостаточности и взаимопомощи смогли приспособиться к императивам рыночной экономики. В результате к концу XVIII в. Чайянта наряду с Кочабамбой превратилась в главного поставщика зерна для Потоси. Однако, в отличие от долин Кочабамбы, где преобладали испанские поместья, в Чайянте производство концентрировалось в общинах⁴⁸. Взаимодействие общин с колониальными экономическими и политическими структурами происходило через касиков, которые были ответственны за сбор трибуто-подати и миту, отправку людей на рудники. От выполнения этих повинностей зависело сохранение андских норм внутреннего распорядка. Именно касики решали, кто из ин-

---

⁴⁸ Larson, *Colonialism and Agrarian Transformation*; Tristan Platt, *Estado boliviano y ayllu andino. Tierra y tributo en el norte de Potosí* (Lima: IEP, 1982).

дейцев отвечает за религиозные обряды и праздники, за работу мельниц, за коллективно обрабатываемые земли, они решали конфликты между индейцами по земельным вопросам, представляя общину перед властями и соседями. Это жизненный комплекс общин был поставлен под угрозу назначением незаконных в глазах индейцев касиков коррехидорами.

Как показывают свидетельства, касики сдавали в аренду земли, которые должны были распределяться домохозяйствам, присваивали себе результаты коллективного труда на общинных землях, урожай с которых должен был идти на содержание посланных на рудники крестьян. Незаконные касики своим существованием разрушали систему отношений с колониальными властями, которые не должны были вмешиваться во внутренние дела айлью, за что в ответ крестьяне платили трибуто. Индейцы сами устанавливали, кто и сколько платит в соответствии со своими представлениями о праве. Касики же превратились в агентов и даже в заинтересованных партнёров коррехидоров при насильственном репартименте товаров. Продажа товаров по завышенным ценам и в счёт будущего урожая плюс использование денег трибуто для покрытия стоимости товаров приводили к ситуации сверхэксплуатации, вызывая чувство незаконности репартиemento.

Присвоение трибуто касиками подрывало источник легитимности их власти и их роль как агентов короны, они фактически отказывались от своей функции индейских сеньоров⁴⁹. Функционирование налоговой системы превратилось в борьбу за контроль над ресурсами общины, формами её интеграции в рыночную экономику и отношениями общин с колониальным фиском. Индейское движение стало результатом конфронтации, порождаемой самой природой колониального господства. Спустя столетие в ответ на либеральные реформы республиканских правительств общины Чайянты попытались восстановить ту модель отношений с государством, которую Тристан Платт назвал

---

⁴⁹ О двойной легитимности касиков в Андах как фискальных агентов и как сеньоров индейцев см. Brooke Larson, "Caciques, Class Structure and the Colonial State"// *Nova Americana*, 2, 1979, pp. 197-235; Silvia Rivera Cusicanqui, "El mallku y la sociedad colonial en el siglo XVII: el caso de J. de Machaca"// *Avances*, 1, La Paz, 1978, pp. 7-27; Thierry Saignes, "De la borrachera al retrato: los caciques de Charcas entre dos legitimidades"// *Revista Andina*, 5, 1987, pp. 139-170; Karen Spalding, *Huarochiri: An Andean Society under Inca and Spanish Rule*. Stanford: Stanford University Press, 1984, p. 228.

«пактом взаимности»: в обмен на трибуну общины требовали уважения к их внутренней автономии⁵⁰.

«Пакт взаимности» между индейцами и государством сочетался с правовыми основами колониального режима, установившего с XVI в. две республики, индейцев и испанцев. Это система стала символическим преобразованием отношений господства в асимметричный обмен⁵¹. Будет неправильным считать этот механизм способом закамуфлировать колониальную эксплуатацию. Государственное насилие, также как система юстиции, было формой материального и символического насилия и источником политических прав. В XVIII в., с началом процесса формирования колониального общества после травматических событий конкисты, испанская гегемония воспринималась уже не как нечто внешнее и чужое, а лишь как определение позиций испанского и коренного населения в рамках существовавшего порядка⁵². Антиколониальный характер движения в процессе перехода от признания колониальной власти к ее осуждению коренился в способности общин использовать как закон, так и силу для споров с этой властью. В процессе восстания индейцы смогли не только присвоить себе права, но и ощущали себя чиновниками, представителями суверена, короля.

Насилие со стороны крестьян было организованным. Не добившись назначения специального судьи, крестьянские лидеры, прибегли к силе, чтобы освободить своего главного руководителя. Индейцы считали себя вправе изгнать касиков Мачи и отказаться признать права корредора. Они напали на касиков и их людей, создав ситуацию, когда

---

⁵⁰ Silvia Rivera Cusicanqui, 'Oprimidos pero no vencidos', luchas del campesinado aymara y qhechwa de Bolivia, 1900-1980. La Paz: HISBOL-CSUTCB, 1984, pp. 42-52; Langer, "Andean Rituals of Revolt"; Platt, Estado boliviano, pp. 73-111.

⁵¹ Tristan Platt, "Entre 'ch'axwa' y 'muxsa'. Para una historia del pensamiento político aymara"// Tres reflexiones sobre el pensamiento andino. La Paz: HISBOL, 1987, p. 99.

⁵² Homi Bhabha, "Signs Taken for Wonders: Questions of Ambivalence and Authority under a Tree Outside Delhi, May 1817"//Critical Inquiry, (12) 1985, p. 153], Jean Comaroff and John Comaroff, Of Revelation and Revolution. Christianity, Colonialism, and Consciousness in South Africa, vol. 1. Chicago: University of Chicago Press, 1991; Michel De Certeau, The Practice of Everyday Life. California: University of California Press, 1984, p. xiii.

их роль как посредников между индейцами и испанцами свелась к нулю. С опорой на судебные решения индейцы отказались платить этим касикам трибуто, выполнять миту и платить за репартимьенто⁵³.

Индейские общины в Андах осуществляли жёсткий контроль за передвижениями людей в провинции, не давали проходить почтовым сообщениям⁵⁴. Крестьяне установили пикеты и заставы на всех дорогах, и жители городов оказались в осаде⁵⁵. Всякий путешествующий должен был сначала договориться с индейцами о проезде, показать свои бумаги и объяснить, для чего едет. Затем у него могли отобрать груз и одежду⁵⁶.

Индейцы хотели не только сместить касиков, но вынудить тех не жаловаться на Томаса Катари и общинников в целом. Общинники знали, что касики распространяли слухи о желании снизить подать по указу вице-короля, что послужило поводом для ареста Катари. Они попытались переиграть в этой игре. Индейцы захватили касиков и заставили их уйти со своих постов, обвинив их в несправедливом аресте Катари, и потребовали от них просить коррехидора освободить своего лидера, угрожая в противном случае пойти с ними в Ла-Плату, где касики подтвердят невиновность Катари в аудиенсии. Коррехидор также получал угрозы от индейцев. Во время проезда коррехидора для июльской годовой ревизии провинции его отряд часто окружали толпы индейцев. Чтобы избежать вооружённого столкновения, Алос был вынужден назначать новых касиков по требованию общинников. Он обещал сократить репартимьенто и добиться освобождения Катари⁵⁷.

Рост насилия со стороны общинников совпал с резким увеличением апелляций в высшие суды. В июле–августе 1780 г. индейцы как минимум три раза ездили с прошениями в Ла-Плату и представили шесть жалоб в аудиенсию и вице-королю. В то время как местные элиты стремились ограничить конфликт пределами провинции, индейцы обращались с просьбой о его решении к высшим властям, не оставляя и других фронтов. Они уничтожали разрыв, существовавший между решением суда и его исполнением. Индейцы сами доставляли приказы вице-короля аудиенсии, суда – коррехидору, сообщали о действиях

---

⁵³ AGN, IX, Interior, Leg. 10, Exp. 1, f. 40.

⁵⁴ Ibid., ff. 80-81.

⁵⁵ Ibid., f. 117.

⁵⁶ Ibid., ff. 119-120.

⁵⁷ AGN, Interior, Leg. 10, Exp. 1.

коррехидора Аудиенсии, и ответ последней доводился до вице-короля. Индейцы не только жаловались, но поставили перед вице-королем проблему неисполнения его распоряжений и незаконности решений Аудиенсии. Надо не забывать, что все жалобы и прошения индейцев писались писарями и адвокатами, то есть белыми. Важно, что письменные обращения и прошения сочетались с коллективными действиями на местах.

Вооружённые столкновения за торжество закона были частью борьбы за свое понимание сути конфликта и за отношение к нему законных структур (юрисдикций и судов), в рамках которых этот конфликт развивался. Как указывал Пьер Бурдьё, практическое содержание закона не сводится к юридическому канону: его реальное значение возникает в спорах о границах и понимании закона. Иными словами, присвоение «символической власти», выраженной в тексте закона, «является той самой премией, за которую идёт борьба интерпретаций»⁵⁸. Если символическая власть закона состоит в определении одних действий как правовых актов, а других как насильственных акций, то действия крестьян разорвали «цепь легитимности», связывавшую власть с юридическим канонем. Таким образом, крестьяне смогли противопоставить версиям конфликта от местных элит коллективные действия в виде юридических актов и представить действия касиков, коррехидора и Аудисенсии как формы насилия.

Индейский взгляд на эти события состоял в том, что конфликт, начатый вокруг ограниченного числа вопросов, перерос в борьбу за сохранение автономии индейской общины в рамках колониального порядка. По мнению индейцев, поддержанному сотнями крестьян провинции, коррехидор и касики утратили всякое право управлять ими, а аудиенсия проявила себя соучастником коррехидора, нарушившим фискальные интересы короны, права общин и высших иерархов колонии. Вице-король же должен был использовать силу для восстановления интересов короля и прерогатив индейцев, «ибо вся провинция, – писал Катари, – нуждается в защите Короля, ибо мы достойны прав и

---

⁵⁸ Pierre Bourdieu, “The Force of Law: Toward a Sociology of the Juridical Field”//The Hastings Law Journal, (38) 1987, pp. 818-824.

справедливости»⁵⁹.

Хотя индейцы Мачи действовали в соответствии с традициями и обычаями Анд, динамика конфликта привела к изменению политической культуры колониального режима. Точно так же, на что указывал Кейт Бейкер, в некоторых районах Франции во второй половине XVIII в. юридические протесты против сеньориальных прав запустили процесс «политизации деревни»⁶⁰. Прямым следствием крестьянского движения был перевод в политическую сферу противоречий между формальным и неформальным механизмами власти, а также разоблачение характера власти, под которой находились андские айлью.

Коллективные действия не ограничивались приходскими делами, крестьянским микрокосмосом или вселенскими проблемами человеческой расы, они вышли за традиционные рамки крестьянских бунтов или милленаристских движений⁶¹. Политическая практика индейцев приводила к изменениям в посреднической сфере между приходом и вселенной, областью, где в рамках колониальной системы принимались решения о распределении власти и экономических ресурсов. «Теология администрации», которая по определению должна была составлять суть бюрократического аппарата, была подвержена анализу и проверке как “official transcript of power relations”. Отчуждая эту прерогативу, индейцы переставали действовать как пассивные объекты государственной юстиции, превратившись в автономных политических субъектов, способных не только защищать свои права, но самим определять, как представители суверена, короля должны были осуществлять свои полномочия.

Ритуальная амбивалентность юстиции

В процессе мобилизации, начатой в общинах Мачи в середине 1777 г., движение переросло в кровавое восстание в Покоате 26 августа 1780 г. Во время обычного годового собрания индейских общин для

---

⁵⁹ AGN, IX, Interior, Leg. 11, Exp. 8, ff. 37-38.

⁶⁰ Keith Baker, “Politics and Public Opinion Under the Old Regime: Some Reflections”// Jack Censer and Jeremy Popkin (eds.), *Press and Politics in Pre-revolutionary France*. Berkeley: University of California Press, 1987, p. 209. Roger Chartier, *The Cultural Origins of the French Revolution*. Durham: Duke University Press, 1991, p. 144; Hilton Root, *Peasants and King in Burgundy. Agrarian Foundations of French Absolutism*. Berkeley: University of California Press, 1987, pp. 155-204.

⁶¹ Eric Hobsbawm, “Peasant Politics”// *Journal of Peasant Studies*, (1) 1973, p. 8.

отправки митаю в Потоси и выплаты трибута крестьяне набросились на коррехидора и его вооружённую охрану. Многочисленные общины Чайянты прибыли в Покоату, чтобы потребовать освобождения Томаса Катари и, возможно, сокращения репартиментов, обещанного им во время недавних столкновений в районе. Коррехидор Хоакин Алос, предвидя эти события, прибыл с сильным отрядом в 200 солдат из Аульегас и других районов, где были испанские поселенцы. После переговоров общинники стали забрасывать отряд камнями из пращей, а солдаты убили своим огнём десяток индейцев. Однако солдат было мало по сравнению с индейцами. В результате около тридцати испанцев и метисов погибли, а остальные спрятались в церкви посёлка. Священник уговорил индейцев отступить, но сам Алос попал в плен. Его с целью унижения и символического снятия с должности заставили идти в Мачу пешком босиком и жевать коку. В начале сентября, когда Томас Катари был освобождён аудиенсией и назначен касиком Мачи, общинники выпустили Алоса⁶².

Восстание в Чайянте сравнивалось с движением Тупак Амару в Куско. Леон Кампбелл писал, что их роднит захват коррехидоров в обоих местах⁶³. Ян Семински указывал, что Тупак Амару и Томас Катари шли в одинаковом направлении, оба до восстания ездили в столицы вице-королевства, один в Лиму, другой в Буэнос-Айрес, они апеллировали к образу короля, сложившемуся в Андах и действовали от его имени⁶⁴. Тупак Амару ссылался на несуществующие указы, когда судил коррехидора Куско. Упоминание воли короля не помешало ему провозгласить себя новым королём – Инкой⁶⁵. Что же было в Чайянте? Остановимся на трёх эпизодах после битвы при Покоате: отправка людей на миту в Потоси, переговоры при посредничестве священника об обмене свободы Катари на Алоса и последняя встреча

---

⁶² По сведения Томаса Катари, триста индейцев погибли в этом столкновении. – Lewin, *La rebelión de Tupac Amaru*, pp. 365-369; Fisher, *The Last inca Revolt*, pp. 58-62; “*Diario de Juan Gelli*”, pp. 364-371; AGN, Interior, Leg. 10, Exp. 1, ff. 186-192.

⁶³ Leon Campbell, “Recent Research on Andean Peasant Revolts, 1750-1820”, *Latin American Research Review*, 14, 1979, p. 9.

⁶⁴ Szeminski, “Why Kill the Spaniards?”, p. 173.

⁶⁵ Alberto Flores Galindo, *Buscando a un Inca: identidad y utopía en los Andes*. Lima: Instituto de Apoyo Agrario, 1987, p. 117.

Алоса и Катари в Маче в конце сентября.

Коррехидор Чайянты рассчитывал, что в Покоате индейцы хотят «свергнуть королевский гнёт и не платить трибуто», поэтому Алос был уверен, что восстание отразится на числе митайо. 25 августа он отправился в сопровождении 12 вооружённых людей и с 200 солдатами в засаду к месту, где обычно собирали митайо. Около 2 тысяч индейцев ждали коррехидора. Несмотря на предупреждения о неподчинении общинников, набор митайо на рудники прошёл как обычно. Индейцы тем самым демонстрировали свою законопослушность. Когда же Алос во время выражения протеста индейцами решил арестовать нескольких митайо, индейцы воспротивились, указывая, что митайо нельзя арестовывать⁶⁶. Века испанского господства научили индейцев, что власть коррехидоров не распространяется на митайо. Однако в рамках небывалой конфронтации с местными властями этот жест означал лишь, что мита, являясь частью отношений между айлью и королём, позволяла не признавать права местных властей на эту сферу. Другими словами, индейцы давали понять коррехидору, что более не считают его законным представителем колониального государства.

Переговоры об освобождении коррехидора после боя 26 августа показывают, что позиция восставших в отношении миты была такой же, как и в отношении трибуто. Индейцы восстали и требовали лишь сокращения репартимьенто и освобождения своего лидера, Катари. Других требований с их стороны не было. Они не просили сокращения трибуто. Аудиенсия освободила Катари с условием, что индейцы выполнят обещанное⁶⁷.

Встреча между Алосом и Катари после освобождения произошла в символической форме ритуала торжества справедливости. За два года до того Алос велел высечь Катари и заявил индейцам, что он единственная для них власть, и если они вновь будут на него жаловаться, то он их повесит⁶⁸. 1 сентября 1780 г., как только Катари после освобождения прибыл в Мачу, он объявил всем, что назначен касиком. За-

---

⁶⁶ Comisión Nacional del Sesquicentenario de la Independencia del Perú. Tomo 2, vol. 2, Lima, 1971, p.238. Примеры того, что митайо считали себя не подлежащими обычной юстиции, что было частью «пакта взаимности». – Enrique Tandeter, Coacción y mercado. La minería de la plata en el Potosí colonial, 1692-1826. Cusco: Centro Bartolomé de las Casas, 1992, pp. 32-39.

⁶⁷ AGN, Interior, Leg. 10, Exp. 1, ff. 138-140.

⁶⁸ Ibid., ff. 130-137.

тем он отправился к дому священника, где содержался коррехидор, который публично попросил у индейцев прощения⁶⁹. Для андских народов «прощение» означало признание законности их действий, но не признание того, в чем обвинялся просящий прощения. Там же коррехидору зачитали постановление аудиенсии, где ему предписывалось покинуть Чайянту и явиться в суд Чаркас⁷⁰.

Испанское господство воспроизводилось, как указывает Томас Аберкромби, «через многочисленные формы общественного театра и ритуалы, посредством которых индейцы должны были публично выражать подчинение колониальному господству (и таким образом, цивилизоваться)»⁷¹. Отправление королевской юстиции в деревнях было частью такого политического театра. Принятие восставшими в Чайянте испанских (в том числе церемониальных) форм правосудия не было ни маской, за которой скрывалось антиколониальное содержание, ни полным подчинением существующему порядку. Встреча Катари и Алоса означала одновременно и акт отправления юстиции, и акт политического подрывного действия. С одной стороны, официальные указы исполнялись и им подчинялись, а с другой, обстоятельства восстания полностью ритуально развенчивали колониальную власть⁷². В рамках колониального политического театра айлью исполняли свои обязательства в отношении государства и выражали уважение испанским судам. Эта акция означала не подчинение европейским правителям, а лишь то, что по своей сути противоречило колониальному господству, а именно, имплементацию индейской концепции политической легитимности и примат власти насилия со стороны индейцев.

Предпосылка самого существования колониализма, понятие культурного и военного превосходства европейцев были подвергнуты сомнению. Коррехидор Алас был вынужден направить из Мачи письмо в аудиенсию. В нем общины вновь повторяли признание своих обязан-

---

⁶⁹ Lamas, Colección de Memorias y Documentos, p. 369.

⁷⁰ AGN, IX, Interior, Leg. 10, Exp. 1, ff. 148-149.

⁷¹ Thomas Abercrombie, "To Be Indian, to Be Bolivian: 'Ethnic' and 'National' Discourses of Identity" // Greg Urban and Joel Sherzer (eds.), *Nation-States and Indians in Latin America*. Texas: University of Texas, 1991, pp. 202-203.

⁷² Robert Young, *White Mythologies. Writing History and the West*. London: Routledge, 1990, pp. 147-148; Baba, "Of Mimicry and Man", pp. 125-133.

ностей и требовали от судей признания Катари, так как «он слышит индейцев». Они требовали нового коррехидора, который признает необходимость сокращения репартимьенто. Так же как и в прочих текстах прошений, индейцы говорили не на своём языке, однако риторика не должна заслонять содержания. Когда в январе 1781 г. Томас Катари был арестован и убит, а коррехидор вернулся к власти, тысячи индейцев уже из разных провинций окружили город Ла-Плата, угрожая уничтожить все испанское население.

Власть и восстание

Анализ, представленный в данной статье, показывает, что движение в общинах Чайянты подрывало основы режима, и началось оно ещё до того, как туда пришли известия о восстании Тупак Амару в Куско в конце 1780 г. Здесь крестьяне, казалось, не преследовали цели экономических и политических изменений, о которых всегда говорили историки в отношении крупных восстаний в колонии. Восстание в Чайянте представляло собой процесс массовой мобилизации, который лишал легитимности и власти местные правительственные институты. При этом оно не было направлено против двух основных орудий эксплуатации индейцев, миты и трибуто, оно также не было против белых и европейских институтов. Большинство исследователей рассматривает восстание в Куско с точки зрения свержения колониального режима и его замены на ещё оставшуюся в исторической памяти Инкскую империю. Тупак Амару был подобен мессии, а общественные изменения, предложенные им, казались лишь частью огромного космического катаклизма. В Ла-Пасе восстание под руководством Тупак Катари началось как антиколониальное движение, но затем переросло в расовую войну.

Мы считаем, что в рамках восстания в Чайянте индейские утопии, революционные программы и расовые противоречия не были причиной борьбы ни в начале, ни в процессе развития событий. По своим социально-экономическим целям восстание в Маче входит в цикл местных восстаний и легальных протестов, происходивших в Верхнем Перу с середины XVIII в. Движение под руководством Томаса Катари было направлено на возвращение индейцам контроля над экономическими ресурсами в своей системе власти. Исторические исследования недооценили революционный потенциал локальных движений против определённых касиков, коррехидоров и священников.

Необходимо подчеркнуть, что ни в самой конфронтации, ни в це-

лях движения не содержался вызов колониальному господству. Хотя индейские требования угрожали основным формам эксплуатации в регионе, движение развивалось в рамках существовавшего закона. И дело не только в убеждении крестьян, что закон на их стороне, а в том, что они взяли в свои руки исполнение закона. Парадоксально то, что постоянное апеллирование индейцев к закону привело к коллективному насилию с их стороны. В сознании крестьян борьба в судах просто переросла в вооружённую борьбу в деревнях.

По контрасту с предыдущими взрывами насилия со стороны индейцев в других регионах Анд (все они были относительно изолированными и короткими), и правовыми процессами, инициированными индейцами, движение в Чайянте сформировало широкую сеть политической солидарности и поддержки. Движение в Чайянте, парафразируя выражение Стефана Гринблатта, представляет собой «радикальное восстание», которое «не пыталось взять власть», но «отвергло принципы, на которых покоилась существующая власть»⁷³. Если в восстаниях в Куско и Ла-Пасе на первое место выходила память об империи инков, то идейные предпосылки крестьянского движения в Чайянте стоит искать в пакте между индейцами и государством, ибо повинности крестьян были связаны с защитой политической и социальной истории их автономии.

Библиография

- Baker, Keith “Politics and Public Opinion Under the Old Regime: Some Reflections”// Jack Censer and Jeremy Popkin (eds.), *Press and Politics in Pre-revolutionary France*. Berkeley: University of California Press, 1987.
- Bhabha, Homi “Signs Taken for Wonders: Questions of Ambivalence and Authority under a Tree Outside Delhi, May 1817”//*Critical Inquiry*, (12) 1985.
- Bourdieu, Pierre “The Force of Law: Toward a Sociology of the Juridical Field”//*The Hastings Law Journal*, (38) 1987.
- Brewer John and Styles John (ed.), *An Ungovernable People. The English*

---

⁷³ Stephen Greenblatt, “Invisible Bullets: Renaissance Authority and Its Subversion”// *Glyph* 8, Walter Michaels ed., Baltimore, 1981, p. 41.

and their law in the seventeenth and eighteenth centuries. New Brunswick: Rutgers University Press, 1983.

Burkholder Mark and D.S. Chandler, *From Impotence to Authority. The Spanish Crown and the American Audiencias, 1697-1808*. Columbia: University of Missouri Press, 1977.

Campbell, Leon "Ideology and Factionalism during the Great Rebellion, 1780-1782".//Steve Stern (ed.), *Resistance, Rebellion, and Consciousness in the Andean Peasant World, 18th to 20th Centuries*. Madison: University of Wisconsin Press, 1987.

Campbell, Leon "Recent Research on Andean Peasant Revolts, 1750-1820".// *Latin American Research Review*, 14, 1979.

Chartier, Roger *The Cultural Origins of the French Revolution*. Durham: Duke University Press, 1991.

Coatsworth, John "Patterns of Rural Rebellion in Latin America: Mexico in Comparative Perspective".// Friedrich Katz (ed.), *Riot, Rebellion, and Revolution. Rural Social Conflict in Mexico*. Princeton: Princeton University Press, 1988.

Comaroff Jean and Comaroff, John *Of Revelation and Revolution. Christianity, Colonialism, and Consciousness in South Africa*, vol. 1. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

Comisión Nacional del Sesquicentenario de la Independencia del Perú. Tomo 2, vol. 2, Lima, 1971.

De Certeau, Michel *The Practice of Everyday Life*. California: University of California Press, 1984.

Fisher, John Kuethe Allan y McFarlane Anthony (eds.), *Reform and Insurrection in Bourbon New Granada and Peru*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1990.

Galindo, Alberto Flores "La revolución tupamarista y los pueblos andinos (una crítica y un proyecto)".//*Allpanchis*, (17/18) 1981.

Galindo, Alberto Flores *Buscando a un Inca: identidad y utopía en los Andes*. Lima: Instituto de Apoyo Agrario, 1987.

Golte, Jürgen *Repartos y rebeliones. Túpac Amaru y las contradicciones de la economía colonial*. Lima: IEP, 1980.

Greenblatt, Stephen "Invisible Bullets: Renaissance Authority and Its Subversion".// *Glyph 8*, Walter Michaels ed., Baltimore, 1981.

Guha, Ranajit "The Prose of Counter-Insurgency". // Guha and Gayatri Spivak (eds.), *Select Subaltern Studies* (Oxford, 1988).

Hidalgo Lehuède, Jorge "Amarus y cataris: aspectos mesiánicos de la

rebelión indígena de 1781 en Cusco, Chayanta, La Paz y Arica” // *Revista Chungara*, 10, 1983.

Hobsbawm, Eric “Peasant Politics”// *Journal of Peasant Studies*, (1) 1973.

Irigoin, Alejandra, Grafe, Regina “Bargaining for Absolutism: A Spanish Path to Nation-State and Empire Building”// *Hispanic American Historical Review*, 88, 2008.

Katz, Friedrich “Rural Uprisings in Preconquest and Colonial Mexico”// Katz (ed.), *Riot, Rebellion, and Revolution. Rural Social Conflict in Mexico*. Princeton: Princeton University Press, 1988.

Larson, Brooke “Caciques, Class Structure and the Colonial State”// *Nova Americana*, 2, 1979.

Larson, Brooke *Colonialism and Agrarian Transformation in Bolivia. Cochabamba, 1550-1900*. Durham: Duke University Press, 1997.

Lewin, Boleslao *La rebelión de Túpac Amaru y los orígenes de la emancipación americana*. Buenos Aires: Hachette, 1957.

Lynch, John “The Institutional Framework of Colonial Spanish America”// *Journal of Latin American Studies*, 24, Quincentenary Supplement, 1992.

Moreno Cebrián, Alfredo *El Corregidor de Indios y la economía peruana del siglo XVIII (Los repartos forzosos de mercancías)*. Madrid: Instituto González Fernández de Oviedo, 1977.

O’Phelan Godoy, Scarlett *Un siglo de rebeliones anticoloniales. Perú y Bolivia 1700-1778*. Cusco: Centro Bartolomé de las Casas, 1988.

Paquette, Gabriel *Enlightenment, Governance, and Reform in Spain and its Empire, 1759-1808*. New York: Palgrave-Macmillan, 2008.

Platt, Tristan *Estado boliviano y ayllu andino. Tierra y tributo en el norte de Potosí*. Lima: IEP, 1982.

Poole, Deborah “Antropología e historia andinas en los EE.UU.: Buscando un reencuentro”// *Revista Andina*, (10) 1992.

Rivera Cusicanqui, Silvia ‘Oprimidos pero no vencidos’, *luchas del campesinado aymara y quechwa de Bolivia, 1900-1980*. La Paz: HISBOL-CSUTCB, 1984.

Rivera Cusicanqui, Silvia “El mallku y la sociedad colonial en el siglo XVII: el caso de J. de Machaca”// *Avances*, 1, La Paz, 1978.

Root, Hilton *Peasants and King in Burgundy. Agrarian Foundations of French Absolutism*. Berkeley: University of California Press, 1987.

Saignes, Thierry “De la borrachera al retrato: los caciques de Charcas entre

dos legitimidades”// *Revista Andina*, 5, 1987.

Scott, James *Domination and the Arts of Resistance. Hidden Transcripts*. New Haven: Yale University Press, 1990.

Serulnikov, Sergio “Customs and Rules: Social Conflicts in the Age of Bourbon Reformism (Northern Potosi in the 1770s)”// *Colonial Latin American Review*, vol. 8 n. 2, 1999.

Serulnikov, Sergio “Tomás Catari y la producción de justicia. Análisis de un interrogatorio al líder de la rebelión indígena de Chayanta”// *Documentos CEDES* 10, 1988.

Socolow, Susan *The Bureaucrats of Buenos Aires, 1769-1810: Amor al Real Servicio*. Durham: Duke University Press, 1987.

Spalding, Karen *Huarochirí: An Andean Society under Inca and Spanish Rule*. Stanford: Stanford University Press, 1984.

Stein, Stanley “Bureaucracy and Business in the Spanish Empire, 1759-1804: Failure of a Bourbon Reform in Mexico and Peru”// *Hispanic American Historical Review*, 61, 1, 1981.

Stern, Steve *Peru's Indian Peoples and the Challenge of Spanish Conquest. Huamanga to 1640*. Madison: University of Wisconsin Press, 1982.

Szeminski, Jan *La utopía tupamarista*. Lima: Pontificia Universidad Católica, 1984.

Tandeter, Enrique *Coacción y mercado. La minería de la plata en el Potosí colonial, 1692-1826*. Cusco: Centro Bartolomé de las Casas, 1992.

Thomson, Sinclair *We Alone Will Rule. Native Andean Politics in the Age of Insurgency*. Madison: The University of Wisconsin Press, 2002.

Tilly Charles “How (And, to Some Extent, Why) to Study British Contention”// *As Sociology Meets History*. New York, 1981.

Walker Charles, *Ashes Smoldering. Cuzco and the Creation of Republican Peru, 1780-1840*. Durham: Duke University Press, 1999.

Young, Robert *White Mythologies. Writing History and the West*. London: Routledge, 1990.

Zemon Davis, Natalie “The Rites of Violence”// *Society and Culture in Early Modern France*. Stanford: Stanford University Press, 1975.

Thomas Abercrombie, “To Be Indian, to Be Bolivian: ‘Ethnic’ and ‘National’ Discourses of Identity”// Greg Urban and Joel Sherzer (eds.), *Nation-States and Indians in Latin America*. Texas: University of Texas, 1991.

Tristan Platt, “Entre ‘ch'axwa’ y ‘muxsa’. Para una historia del pensamiento político aymara”// *Tres reflexiones sobre el pensamiento andino*. La Paz: HISBOL, 1987.

William Taylor, "Between Global Process and Local Knowledge. An Inquiry into Early Latin American Social History, 1500-1900" // *Reliving the Past. The Worlds of Social History*/ Olivier Zunz (ed.). Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1985.

William Taylor, *Drinking, Homicide, and Rebellion in Colonial Mexican Villages*. Stanford: Stanford University Press, 1979.

Woodrow Borah, *Justice by Insurance. The General Indian Court of Colonial Mexico and the Legal Aides of the Half-Real*. Berkeley: University of California Press, 1983.